

Сергей Герасимов

Создатель чудес

Сергей Владимирович Герасимов

Создатель чудес

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156418

Содержание

1	4
2	9
3	16
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Герасимов

Создатель чудес

1

– Я помню, когда-то я видела сон, он не поразил меня, а почему-то вспомнился намного позже. Мне снилась лестница. Это была широкая лестница с мраморными, наверное, ступенями. На всех ступенях сидели люди – так тесно, что трудно было между ними пройти. Кверху лестница сужалась, а вершины ее не было видно. Я начала подниматься с первой ступени. Хорошо помню, что на первых ступенях еще было свободное место, хотя бы чтоб поставить ногу. Но люди, сидевшие вокруг, протягивали руки, хватали меня за одежду и тащили вниз. Да, еще: когда я всходила на следующую ступеньку, те люди, которые оказывались внизу, начинали относиться ко мне... как лучше сказать – подобострастно – они поднимали руки к небу, становились на колени, целовали край моего платья. На мне было длинное платье, темно-красное и тяжелое, а поверх него – ярко-красная мантия. Но мантию я заметила, только поднявшись на самый верх. На верхних ступнях тоже было свободное место, но много людей там поместиться не могло. Самая верхняя ступенька была совсем свободна. На небольшом каменном возвышении

стоял стол, покрытый красивой материей, а за столом сидят люди, несколько человек...

– Четверо? – спросил Вацлав.

– Я не могу вспомнить точно... Да, четверо.

– А за столом есть еще одно незанятое место?

– Да, доктор, совершенно так... И кто-то из них говорит мне: ?Ты будешь нашим председателем?.

Она сидит спиной к темнеющему окну; голубоватая лампа чуть-чуть мигает. Это мерцание остается незаметным, отражаемое неживыми предметами; даже ее платье освещено слабым, но постоянным светом. Мерцание отражается только от ее лица и от красивых длинных пальцев, которыми она время от времени обозначает в воздухе плавные широкие фигуры, вся погруженная в воспоминание. ?Ты будешь нашим председателем? – ее руки на миг зависли в воздухе, ожидая ответа, и свалились на колени. Жест нетерпения.

Только женщина умеет ронять руки вот так, подумал Вацлав, сколько же раз я видел этот жест.

– Кейт, вы ждали, что я отвечу немедленно? – спросил он.

– Да.

– Скажите еще что-нибудь.

– Вчера был дождь.

– ?Вчера был дождь? – как просто; эта простая фраза напомнила мне множество вещей и людей; многих из них нет, многих я никогда не увижу. Я сразу вспомнил Нору, например, – она уезжала в дождь... Ага, вы тоже вспомнили что-

то.

– Вспомнила.

– Это даже важнее вашего сна?

– Интереснее. А важнее – для кого как. Угадайте, что я вспомнила.

– А сон? – спросил Вацлав.

– Да, сначала сон.

– Так вот, ваш сон очень прост. У вас врожденная огромная потребность в достижении. В детстве эта потребность не удовлетворялась, поэтому она прорывалась в снах. Потом, когда ваша жизнь начала напоминать этот сон, вы его вспомнили и он вас поразил, потому что был похож на правду. Но вы еще далеки от верхней ступени.

– О!

– Так что же вы вспомнили? – спросил Вацлав.

– Угадайте, ведь это ваша профессия – отгадывать мысли.

– Приехала Нора, правильно?

– Да, и с ней еще двадцать незнакомых женщин и четверо симпатичных мужчин. Один из них – просто Геркулес, ходячая гора.

– Очень мило.

– Доктор, а о чем я сейчас думаю?

– Вы думаете о том, что за отношения были у вас с Норой; о том, что теперь вы все узнаете – вам этого ужасно хочется, как и любой женщине; думаете о том, каким образом я узнаю ваши мысли, правильно?

– Почти. В общем, да.

На ее груди – брошь, красиво опалесцирующая капля в золотой оправе. Камень удивительно преломляет свет, собирая его в красные и желтые фигуры. Сейчас Кейт чуть наклонилась вперед, собираясь встать, и цветные фигурки в капле слились в подобие натюрморта: золотое яблоко на красном фоне. Почти совершенная иллюзия.

– Вы уже уходите? – спросил Вацлав.

– Да, иначе вы просветите меня насквозь. В вашем присутствии я чувствую себя прозрачной, как...

– Прозрачной, как слеза, как первая любовь, как предвечерний свет...

– Вот именно.

Она встает, чтобы уйти.

– Как вы читаете мои мысли? Это действительно телепатия или обман?

– И то, и другое, – ответил Вацлав. – Когда я сказал о Норе, ваши глаза замерли на долю секунды – вы были поражены совпадением. А потом вы мгновенно обрадовались. И я понял, что Нора здесь.

– Ну что же, до свидания, создатель чудес.

– Ну что же, до свидания, самое прекрасное чудо.

Она уходит, улыбаясь.

Итак, приехала Нора. Вацлав знал об этом еще час назад, как он знал и все то, что происходило в помещении санатория. Нора была его самым болезненным воспоминанием за

последние восемь лет. Вацлав работал в санатории психотерапевтом, психоаналитиком и экстрасенсом одновременно. Иногда его так и называли – создатель чудес. Большинство из чудес были несложными трюками, как, например, сегодняшнее чтение мыслей – отгадывание уже известного.

Санаторий назывался? Волшебные ключи? – уже само название определяло его имидж. Теплые ключи, бьющиеся из-под каменных глыб, считались целебными во все времена. Паломников в этих местах хватало. В конце пятидесятых было построено центральное здание санатория – и ключи, закованные в камень, с той поры стали изливаться в бассейны. Вначале бассейнов было пять, теперь их уже двенадцать. Атмосфера тайны и ирреальности сознательно поддерживалась администрацией – легкий налет сверхъестественного привлекал клиентов. Ведь волшебные ключи гораздо лучше, чем целебные. Доктор Вацлав Морано начинал здесь восемь лет назад консультантом, потом аналитиком. Сейчас он стал не меньшей достопримечательностью, чем сами теплые ключи. Часто клиенты возвращались только для того, чтобы поговорить с ним. Люди, приезжающие в санаторий, были, в большинстве своем, здоровы, молоды и красивы. Считалось, что купание в теплых ключах имеет косметический эффект, дарит вечную молодость и красоту? – так объявлялось в рекламном проспекте. Большинство отдыхающих составляли женщины, поэтому мужчины здесь пользовались огромным успехом. Доктор Морано – тоже.

2

Вацлав стоял у дверей, совершенно не думая о Норе. Но когда на лестнице внизу появилась женская фигура, его сердце вздрогнуло и заныло, пытаясь обмануть разум, – будто плачущий ребенок, выпрашивающий у матери игрушку. Незнакомка прошла мимо, взглянув на него с вежливым любопытством. Вацлав снова заставил себя не думать о Норе.

Он заметил ее боковым зрением и заставил себя еще больше отвести глаза. Когда шаги приблизились, он повернулся, изображая безразличие на лице – безразличие, готовое превратиться в радость ничего не обещающей встречи.

– Доктор, я вернулась, – сказала она, остановившись.

– Нора, вам не нужны волшебные ключи, ваше здоровье и красота совершенны.

– Я знаю, но что-то нервы стали сдавать.

– Нервы?

– Да, я все время думала о тебе и чувствовала себя все хуже. Не знаю, как я смогла прожить целый год. А ты?

Итак, все возвратилось, подумал Вацлав. Но теперь я не позволю ей исчезнуть из моей жизни.

– Нора, идем в зал, – сказал он.

– А почему туда?

– Во-первых, там никого нет; во-вторых, я видел тебя в последний раз именно там, а в-третьих, я хочу убедиться,

что зал остался тем же.

– Разве он может измениться?

– О, еще бы! Когда ты уезжала, был дождь, помнишь? Совершенно неожиданно для себя, вечером, около десяти, я вернулся в зал, где уже никого не было. Был слышен шум дождя, но он не заглушал мраморного молчания этой махины. Я сел за столик и стал осматриваться. Мне показалось, что я попал туда впервые. Все стало другим, потому что со мной не было тебя. Я не мог узнать ни одной детали, как ни старался. Без тебя все стало другим, все стало меньше и бесцветнее. Я не узнал и того места, где ты стояла в последний раз. Ты стояла так далеко от меня; я шел тебе издалека, шел, шел, – ты обернулась и сказала: «Я играю с огнем?»

– Я сказала это позже.

– Может быть. Тогда я сидел за столиком и старался увидеть все таким, каким все было несколько часов назад, взглянуть теми своими глазами, но напрасно. Те глаза давно ослепли, а сердце все помнит и надеется, и подбивает рассудок на глупости – иногда успешно. Знаешь, зачем я стоял у дверей?

– Ты ждал меня.

– Конечно. Но я не знал этого сам до той минуты, когда прошла женщина, и я принял ее за тебя. Точнее, очень захотелось принять ее за тебя.

– Почему мужчины не умеют признаваться в любви просто?

– Просто – это как?

– А вот так: ?Я тебя люблю? – и все.

– Они все трусы. Они вначале готовят себе пути для отступления.

– Ну и напрасно. Ты же знал, что я приехала к тебе.

– Нет.

– Знал, ты же работаешь создателем чудес. Сколько раз ты прочитывал мои мысли совершенно точно.

– Это всего лишь фокусы и опыт.

А ты изменилась, подумал Вацлав, как это все могло сочетаться в тебе раньше: и почти детское смущение, и точное знание своей цели, и смешливость по пустякам, и иногда угрюмость, и иногда даже озлобленность в характере. Сейчас кто-то создал из этого совершенно новый сплав.

– Нора, ты его любила?

– Ах, ты все же не научился отгадывать мысли. Может, ты даже скажешь, каким было его имя?

– Нет, мне достаточно того, что ты сказала? было?.

– Ты не можешь отгадать имя? – Нора настаивала.

Вацлав назвал первое имя, всплывшее у него в мозгу, и угадал. В этом один из секретов отгадывания мыслей – не думая самому, ловить первый слабый сигнал.

Они прошли в зал. Два ряда мраморных колонн поддерживали широкий потолок. У задней стены стояло несколько столиков – зал был предназначен для ожидания. Напротив столиков – полуосвещенная галерея маленького зимнего са-

да с обязательными пальмами и тропическими широколиственными сорняками. Сквозь стеклянный оазис жизни просвечивалась ночь. Снаружи кто-то включал и выключал прожектор. Мощный пучок света был направлен прямо в небо; когда свет включался, то было видно, что он до отказа заполнен плотно несущимся снегом. Прожектор был очень сильным – выключенная лампа еще несколько секунд продолжая желтеть, остывая.

– Что это за ерунда на улице? – спросила Нора.

– Не знаю. Похоже, хотят сбить самолет. Или вертолет.

– Самолеты в такую погоду не летают, вертолеты тоже.

– Значит, кто-то подает сигналы своей любимой. Когда она проснется и подойдет к окну, он начнет петь серенаду.

– Вот здорово! А мы тоже послушаем.

– Подслушивать нехорошо, – Вацлав говорил, не думая.

– А мы немножко... Кто это?

Огромные листья пальм были неподвижны, казалось, что они присматриваются и прислушиваются к снегу, падающему за стеклом, – они ведь никогда не знали настоящего снега; между пальмами пробиралась женщина. Она шла не по дорожке, а прямо по камням и останавливалась возле каждого растения, тихо стояла и рассматривала все подряд.

– Это Нина, – сказал Вацлав. – Она действительно больна.

У нее завтра сеанс.

– У тебя?

– Конечно. Я попробую выяснить, что с ней на самом деле.

Может быть, расстроены нервы, но, скорее, что-то серьезное. У меня пока не хватало времени ею заняться.

– Она лечится здесь?

– Да, и успешно. То есть, не совсем.

– Я не поняла.

– После каждого купания ей становится лучше; она сама об этом рассказывает всем подряд. После купаний она становится такой же как все, даже лучше. Она тогда душа компании, хотя всегда ведет себя чуть неестественно. Она очень хорошо поет. Любит петь для кого-то. Поэтому я и сказал, что купания ей помогают. Но в общем, за те три недели, которые она провела здесь, ей стало гораздо хуже.

– Что значит хуже? – удивилась Нора.

– Она становится все более странной.

Прожектор на улице включился снова.

– А крепко спит его любимая, правда?

– Может быть, он выбрал слишком слабый прожектор?

Нора засмеялась. Ее смех был таким же, как и год назад.

Улыбка тоже не изменилась.

– Нора, тот человек, с которым ты прожила весь год, он ведь принес тебе только несчастья.

– Тогда зачем?

– Я старалась забыть тебя, а сама я бы не смогла этого сделать. Но он оказался совсем не тем человеком, который был мне нужен. Ты узнал все это сам или помогли шпионы?

– Просто твоя улыбка не изменилась за год. Значит, ты

ему улыбалась редко и не по-настоящему.

– Ты так хорошо помнишь мою улыбку?

– Еще бы, я ведь сам научил тебя так улыбаться.

– Не помню такого.

– А я запомнил тебя с первого взгляда. Это было предчувствием любви. Ты мне очень понравилась, но твоя улыбка – она была красива, но безжизненна, как будто вырезанная из теплого камня. Она не была предназначена мне. Поэтому, разговаривая с тобою в первый раз, я улыбался тебе так, будто бы ты моя единственная радость в жизни, и улыбался искренне, предчувствуя, что так оно и будет. А ты смущалась вначале, но постепенно стала отвечать мне той же улыбкой. Я говорил с тобой больше часа и все это время улыбался. К концу разговора ты заучила эту улыбку так, что не могла больше забыть. На следующий день ты случайно проходила мимо – я взглянул и увидел ту же улыбку. Она расцветала, сдерживаемая с трудом и в то же время несдерживаемая, – ты знала, что ты делаешь, но тебе мешало смущение. А потом твоя улыбка прорвалась, и ты прошла и унесла улыбку с собой.

– Да, бедная я, как это просто. Я думала, что захотела этого сама.

– А я подумал, что когда-нибудь расскажу тебе, что ты умеешь нравиться с первого взгляда, что твои темные глаза совершенно невероятны, что заставить тебя влюбиться – проще простого, что не влюбиться в тебя самому – это тяж-

кий труд. Тогда я подумал, что мне будет очень жаль, если кто-нибудь другой поймает тебя в свою паутину.

– Ага, и ты стал подкарауливать меня, как паук. Очень интересно.

– Но я не очень боялся соперников. Слава Богу, большинство мужчин глупы, как пробки, и видят лишь то, что выставляется напоказ. Ты не была такой. Когда ты прошла, я обернулся. Ты еще смотрела в мою сторону, но не на меня. Кажется, мы забыли поздороваться.

– Да, забыли. Мне даже было стыдно.

Прожектор включился снова. Сейчас он осветил небо – он освещал опускающийся на площадку вертолет. Вертолет в пургу, подумал Вацлав, что это значит? Это значит, происходит что-то важное. Что ж, посмотрим.

3

Все утро шел снег, наполняя комнаты мягкой ватой тишины. Каждый говорил тихо, будто желая слиться с природой – ни громких голосов, ни шагов, ни веселого смеха – так, будто снег шел не за окнами, а в сознании людей. В это утро Вацлав вел прием.

Нина плакала.

– Успокойтесь, прошу вас, я не хотел вас обидеть, – сказал Вацлав.

– Вы все хотите от меня избавиться, а я всех люблю и ничего плохого не сделала.

– Но я же только спросил вас, зачем вы приехали в санаторий, вот и все. Что же здесь страшного?

– Почему вы меня прогоняете?..

Она плакала беззвучно, и слезы катились по щекам. Вацлав часто видел женские слезы – если слезы были настоящими, они напоминали слезы несправедливо обиженного ребенка, тогда хотелось приласкать, защитить, утешить. Нина плакала иначе. В ее слезах проглядывало нечто нереальное, искаженное, искривленное – искаженное, как фигуры на картинах сюрреалистов. Казалось, что она сама сейчас начнет превращаться во что-то страшное, как превращаются люди в хорошо поставленном фильме ужасов. Но какой выдуманный ужас может сравниться с реальной болезнью? –

она как червь свернулась внутри мягкого розового мозга и разъедает его понемногу каждый день. Хуже всего то, что и я знаю об этом, и она знает об этом, подумал Вацлав, она знает и старается бороться. Но это бесполезно, и с каждым днем ей становится все хуже, и она уже хорошо различает то безумное существо, которое вырастает у нее внутри, и питается ее кричащим от страха разумом. А от разума осталась только оболочка.

Нина стояла, прислонившись спиной к двери.

– Проходите, садитесь и расскажите мне все, – сказал Вацлав.

– Спасибо, доктор.

– За что?

– Ты добрый.

Нина всегда обращалась к нему на?ты? не замечая того, что он держал дистанцию. Это было еще одним симптомом болезни.

– Нина, почему вы плакали?

– Мне показалось, что вы хотите меня прогнать. Со мной никто не хочет говорить.

– У меня не было времени, чтобы говорить с вами сейчас, мы бы поговорили после обеда, вот и все. Но если вы очень хотите, мы будем говорить сейчас.

– Доктор, я боюсь сойти с ума.

– Я знаю. Это хорошо. Тот, кто сошел с ума, тот уже не боится.

– Нет, не говори этого. Я боюсь, что перестану бояться.

Я тоже этого боюсь, подумал Вацлав, но санаторий тебе не поможет. И вообще никто не поможет. Мы еще не умеем это лечить.

– Расскажите мне все, – сказал он. – Давайте познакомимся, мы ведь так мало друг друга знаем.

– Да, ты прав, мне надо рассказать. Ты можешь не слушать, ты просто сиди и все. А я буду рассказывать.

Вацлав помолчал.

– Раньше все было так хорошо... Когда я была маленькой, я так любила своих родителей...

– Сколько вам лет?

– Но... – она вдруг улыбнулась с неожиданной веселостью.

– Но я доктор, поэтому могу задавать любые вопросы.

– Правильно, я не подумала. Мне двадцать лет.

Двадцать три. Вацлав помнил это хорошо; все сведения об отдыхающих хранились в картотеке. Нина выглядела старше, хотя явно умела заботиться о своей внешности.

– Итак, вам двадцать лет, в детстве вы очень любили своих родителей...

– Да, а теперь они во всем обвиняют меня. Я ведь люблю свою мать, а она даже говорить со мной не хочет. Просто сядет в кресло и сидит, как каменная.

– А отец?

– А папа умер уже давно. Сейчас у меня отчим. Кажется,

он сумасшедший. И я его привлекаю. Ты знаешь, как это бывает, я же молодая. Он заходит, когда я принимаю душ, я ему говорю, а он не выходит.

– Надо запирать дверь.

– Он снял все запоры в доме. Он постоянно за мной следит.

– Но вы можете жить где-нибудь в другом месте. Вы же взрослая женщина.

– Я пыталась. Я сначала жила сама, я хотела стать певицей, я уже начала записывать диск, а они меня обманули. Потом я жила с любовником, но я все время думала о матери. Я же ее бросила. Потом я вернулась. А дома все то же. Мать говорит, что только я во всем виновата. Скажите, что мне делать? Куда мне идти?

– Ты должна выбирать сама, – сказал Вацлав, неосознанно переходя на «ты». Ее открытость заражала.

– Но он злой. От него исходит зло. У меня есть подруга, она экстрасенс, она умеет колдовать и вызывать духов; она видит человеческую ауру. Я ее привела специально к себе домой. Она сказала, что в нем сидит дьявол.

– В вашем отчине?

– Да.

– А вы не пробовали быть с ним добрее? Может быть, он ждет от вас только дочерней любви?

– Ой, не пробовала! Пробовала! Он на меня кричит и даже бьет. Ему не это нужно. Иногда я сцепляю зубы и делаю все

так, чтобы ему понравиться. Но его это только еще больше бесит. А мать говорит, что я во всем виновата.

– Где вы живете сейчас?

– Сейчас здесь. А до того – то у любовника, то дома. Он меня очень любил вначале. А потом перестал и стал выгонять. И тоже бить. А отчим все хотел вернуть меня домой. И я уехала отсюда. Я так люблю свою мать. Я не могу оставить ее одну с отчимом. Он ее убьет. Когда я возвращаюсь, я вижу, как ей плохо, хотя она не говорит ничего. Просто сядет и ничего не говорит. А раньше она все время пела. Это она научила меня петь, она. Я не могу вернуться и уехать насовсем, не могу.

Она замолчала. Некоторое время было совсем тихо.

– Доктор, расскажи что-нибудь. Хотя бы что-нибудь, хоть из своей работы, пускай я не пойму даже.

– Я не могу.

– Ну что ты, ты все можешь, расскажи.

– Хорошо. Когда я был маленьким, я тоже любил своих родителей. Летом мы отдыхали в селе. Я хорошо помню, как у нас во дворе рос подсолнух. Он еще вырос очень маленьким, когда кто-то сломал верхушку. Я думал, что он засохнет. А он пустил два одинаковых ростка в разные стороны. Ростки были длинные и тонкие; они очень быстро росли. А осенью на них не было ничего. Ничего не выросло, потому что их было два, и корень не знал, какому из них отдавать свои соки. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Ты говоришь обо мне.

– Нет, я говорю о том, что если бы вовремя отломить один из ростков, то другой бы вырос правильно. Это обязательно нужно было сделать.

– Да? Но это так трудно, так хочется сохранить и то, и другое. Я не смогу.

– Почему?

– Моя подруга сказала, что это моя судьба быть мученицей. Как раньше были мученицы, которые погибали за веру или за счастье других людей. Я бы с радостью погибла за счастье других людей.

Да, это твоя судьба – быть мученицей, подумал Вацлав, но ты не умрешь, а будешь жить, мучиться и мучить других. Почему жизнь наказывает невиновных?

– Я бы с радостью погибла... – Ее лицо вдруг оживает, – а знаешь, здешние ванны мне очень помогают. Я себя чувствую так хорошо. Я даже прихожу купаться ночью.

– И долго вы купаетесь?

– Иногда всю ночь.

Вот оно. Где-то здесь была разгадка; Вацлав чувствовал разгадку интуитивно.

– Я замечал, что вам лучше после купания, – вполне нейтрально заметил он.

– Да, так хорошо, что мне кажется, будто я снова стала маленькой, и я обо всем забываю.

– И давно вы начали купаться ночью?

– Не помню. Давно. Ты никому не расскажешь, правда?

– А сегодня ночью?

– Сегодня ночью – нет. И мне было так плохо с утра. Но сейчас лучше, от тебя идет тепло. У тебя хорошая аура – я поговорила с тобой и мне стало лучше. Можно, я приду еще?

– Приходите всегда, когда вам понадобится помощь.

– Нет, ты не понял. Я приду тогда, когда мне станет совсем хорошо, тогда я буду совсем другой, вот увидишь. Можно мне прийти?

– Да, я рад вас видеть.

Ее лицо снова изменилось.

– Вертолет, – в ее голосе испуг.

– Что вертолет?

– Вчера ночью я видела вертолет. Они прислали его за мной.

– Вы узнали об этом вчера?

– Нет, я догадалась только что.

– Не бойтесь, я знаю, как вам помочь. Обещайте, что будете меня слушать.

– А это не...?

– Это не. С этого дня вы больше не будете купаться в бассейне. Вы никому не скажете, что об этом просил я. Вам будет тяжело, но вы ведь хотели быть мученицей; если нарушите обещание, то они вас увезут. Обещайте.

– Обещаю.

– Я буду говорить с вами каждое утро. Если вам будет

больно, я буду снимать вашу боль. Я ведь умею делать чудеса.

– Я хочу, – Нина встала и приблизилась, – я хочу вас поцеловать. Просто так, в щеку. На память.

Она прикоснулась губами к его щеке. Они стояли молча, глядя в пустоту, – каждый в свою пустоту. Нина повернулась и вышла.

Я пытаюсь что-то понять, подумал Вацлав, но что-то ускользает. Она ведь не сумасшедшая, но кому-то нужно свести ее с ума. А что, если она только случайная жертва?

Весь день он думал об этой женщине. Вечером он принял решение.

– Нора?

– Да.

– Ты спишь?

– Да.

– Мне нужно ненадолго уйти.

– Это женщина?

– Не говори глупостей. Это работа.

– Когда ты вернешься?

– Не скоро.

– Я буду ждать.

Он оделся, не включая свет, и вышел в коридор. Поднявшись на третий этаж, он зашел к Эйбу, как всегда читавшему шахматный журнал, и поговорил с ним о разных, не имеющих значения вещах. Потом он зашел в свой кабинет, сел к столу и включил компьютер. Он пустил программу, проверяющую скорость реакции, – обычная диагностическая игра.

Цифры от одного до девяти неожиданно появлялись в разных местах экрана, их нужно было гасить нажатием клавиши. По окончании десяти минут машина выдавала результат, нормированный по шкале. Число сто означало хорошую быстроту реакции, вполне достаточную для любого человека. Вацлав получил 124 и пустил программу снова. Во второй раз вышло 126. В третий – 119. Он записал три числа на

листочке, свернул листок вчетверо и вышел из кабинета.

Он снова зашел к Эйбу, который не имел права спать на ночном дежурстве и потому невыносимо скучал. Единственным развлечением Эйба в ночные часы были шахматы: он решал шахматные задачи, разбирал партии или играл сам с собой. Иногда, когда не хотелось спать, Вацлав заходил к нему сыграть несколько партий. Вацлав всегда выигрывал, но всегда с трудом. Эйб уверял, что это происходит оттого, что Вацлав читает мысли. Вацлав не возражал.

В этот раз сыграли две партии, обе Вацлав играл черными и обе выиграл. Дважды он применил один и тот же дебют. Потом они снова поговорили о разном – обычный ночной разговор двух людей, которым некуда спешить.

Потом он спустился в подвальный этаж, где размещались бассейны. Двенадцать небольших бассейнов были построены в четырех залах – в каждом по три. Все бассейны использовали воду от одного источника, который находился в западном секторе. Поэтому Западный Зал был несколько больше остальных трех. Вацлав вошел туда. Источник фиолетово светился в темноте. Вацлав знал, что это искусственное освещение – на глубине шести метров установлены темные фиолетовые лампы, которые не выключались ни днем, ни ночью. Отдыхающим рассказывают сказку о естественном свечении лечебных вод, иногда даже рассказывают легенды о происхождении этого света. Иногда легендам верят, иногда – нет. Но все верят в то, что источник натуральный.

На самом деле под землей была скрыта насосная станция, постоянно выкачивающая воду из-под земли. Вода ароматизировалась, подогревалась и направлялась в широкую трубу, выходное отверстие которой было прикрыто естественными валунами. Камни были скреплены цементом, но снаружи этого не заметишь. Возможно, что вода, выходящая из глубины, действительно имела целебные свойства, но Вацлав не был уверен в этом.

Вода из источника вливалась в первый бассейн. Первый бассейн имел форму вытянутого прямоугольника; он был небольшим, но глубоким. Второй был вдвое большим и самым мелким. Здесь купались те, кто не умел или не хотел плавать. В третьем бассейне была широкая подводная скамья, на которой можно лежать так, чтобы голова оставалась над водой. Каждый следующий бассейн был расположен на три ступеньки ниже предыдущего. Вода стекала по ступенькам.

Вацлав разделся и включил подводное освещение. Лампы, вмонтированные в стенки, светились под таким углом, что свет не выходил из-под воды. Черный кафель почти не отражал лучей. Поэтому любой предмет, погруженный в воду, казалось, начинал светиться сам. Светились и волны на поверхности – это было очень красиво. Те, кто приезжал сюда впервые, могли подолгу стоять в воде, рисуя руками различные фигуры – за рукой оставался светящийся след.

Он вошел в третий бассейн, лег на скамью и закрыл гла-

за. Теплая вода успокаивала и усыпляла. Чтобы не уснуть, он стал обдумывать события последних дней, пытаясь найти в них закономерность. У него была привычка анализировать произошедшее. Первое – странный случай с Ниной, но об этом можно не думать сейчас, он будет знать ответ через несколько часов. Второе – Нора вернулась, все-таки вернулась, но об этом можно не думать, это уже произошло. Третье – вертолет в снежную ночь, вот это странно, эту загадку нужно разгадать. Но есть еще что-то, что-то. Он чувствовал неопределенную внутреннюю неудовлетворенность, он хорошо знал это чувство, которое заставляло его искать и находить, всегда находить. Оставалось еще... – он вспомнил. Кейт сказала о четырех мужчинах, которые приехали в санаторий. Как она сказала? Один из них – просто ходячая гора. Зачем он здесь? Чтобы отдохнуть, подлечить нервы? Нет, здесь что-то не так. Выцлав привык доверять своей интуиции, она всегда шла впереди логики и никогда не ошибалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.